

Мария Григорьевна, супруга Михаила Николаевича, сообщила нам, что каждый раз после забоя гадает на лопатке. Для этого очищенная лопатка смотрится на просвет, «если есть темное пятно, то хорошо, если лопатка чистая, то очень плохо». На нашу просьбу конкретизировать она рассказала, что «очень хорошо, когда видны пятна в виде дома или животного, такие образы предвещают долгую жизнь и прибавление скота. Видеть же чистую лопатку — к скорой смерти».

В поселке Аскиз один из информантов сообщил нам, что некоторые хозяева во время забоя закрывали свободной рукой пасть и ноздри овце. Считалось, что таким способом жизненная сила животного сохранялась в туше. Не принято было отдавать мясо забитого животного людям, жившим ниже по реке: это грозило потерей «скотского» счастья.

Еще в первой половине XX в., забивая скот в исключительно обыденных целях, хакасы совершали целый ряд сакральных действий, осмысливая забой домашнего животного как значимое событие в своей жизни. Прекращение практики домашних и общественных жертвоприношений привело к почти полной утрате сакрального смысла забоя и превращения его в рутинное действие.

Сравнивая традиционный забой скота у хакасов с традициями других народов Саяно-Алтая, нельзя не заметить некоторые любопытные особенности. Так, в отличие от тувинцев, алтайцев бурятов и монголов хакасы забивают животное, перерезая горло, а не вскрывая грудную клетку, после чего подвешивают тушу, а не разделявают ее на земле, и тщательнейшим образом следят за тем, чтобы в мясе не осталось крови. Возможно, что изучение этих особенностей позволит конкретизировать историю происхождения и развития скотоводства в регионе.

Е.Ю. Захарова

КВАРТАЛ И МУЖСКИЕ СОСЕДСКИЕ СООБЩЕСТВА В ТБИЛИСИ (вторая половина 70-х — конец 90-х годов XX в.)

Официально Тбилиси делится на шесть крупных административных районов, но существует и другое, неофициальное, но более актуальное для жителей города деление — на *ubani*. Тбилисцы называют его старым, историческим. В толковом словаре грузинского языка слово «*ubani*» в его первом значении объясняется как «один из уголков, частей города или деревни», остальные значения приблизительно соответствуют области значений русского слова «участок».

Тема *убани* является частью единого дискурса о «настоящем тбилисстве», «добрососедстве», «мужестве», «братстве» и находит у информантов сильный эмоциональный отклик.

Для жителей Тбилиси деление на *убани* очень актуально, и можно с определенностью говорить об идентичности, связанной с принадлежностью к тому или иному *убани*. В подростковой среде вопрос «Ты из какого *убани*?» зачастую

задается при знакомстве одним из первых. Люди старшего поколения (60–70 лет) утверждают, что в молодости они могли с легкостью отличить жителей разных урани друг от друга, многие информанты говорят о существовании уранских особенностей в сленге в настоящий момент.

Задавая вопрос о принадлежности к тому или иному урани или говоря о характерных для него особенностях речи, подразумевают те урани, которые имеют отдельные народные названия и известные большинству горожан границы. В своем исследовании под урани я понимаю соседское сообщество, воспринимаемое как реальная общность самими его членами, и территорию, с которой это сообщество ассоциируется. Под соседским сообществом, в свою очередь, я понимаю человеческий коллектив, скрепленный не только общностью территории проживания, но и потребностью во взаимной поддержке и контроле друг над другом, а также общей локальной идентичностью.

Ключевым для соседского сообщества институтом является «биржа» — «место собрания праздно́й молодежи под открытым небом» [Брегадзе 2005]. Происхождение слова объясняется ироничной аналогией с финансовыми биржами, хотя более правдоподобно соотнесение грузинского слова с русским в распространенном в XIX и начале XX в. значении «место ожидания подряды (временной работы)»; метонимически это название переносится и на группу праздно́х людей, ожидающих получения работы.

Внешне биржа выглядит как группа подростков или молодых мужчин, регулярно собирающихся в скверах, у подъездов или гаражей в своем урани. Количество времени, посвящаемое бирже, определяется степенью занятости: школьники, студенты и работающие люди выходят на биржу преимущественно во второй половине дня и по вечерам, безработные могут проводить здесь большую часть дня. Сами носители культуры иногда сравнивают биржу с клубом, а ее участников — с членами клуба, иногда говорят о ней просто как о месте встречи. Попросив одного из моих информантов-экспертов дать определение биржи, я получила следующую формулировку: «Это уранская тусовка с уклоном в уголовную романтику, но не очень опасная для окружающих» (Тбилиси 2007. Интервью. Г. на рус. яз). В моем исследовании под «биржей» я понимаю мужское сообщество сверстников, являющееся составной частью более широкого соседского сообщества и взаимодействующее преимущественно в его публичном пространстве.

Тбилисская соседская биржа относится к кругу явлений, которые в социологической и антропологической литературе обычно классифицируются как *street corner societies*. Под этим термином [Whyte 1943] понимают сообщества, регулярное взаимодействие членов которых происходит преимущественно в одном и том же месте публичного пространства. Исследования подобных сообществ обычно относят к этнографии улицы, одному из направлений городской антропологии. Подавляющее число работ в этой области проводилось в этнических кварталах США, в основном негритянских и латиноамериканских, а также на материале средиземноморских культур.

Можно обозначить четыре магистральных направления, в русле которых осуществлялись исследования сообществ данного типа: антропология и социология городской бедности, молодежной делинквентности, гендерные исследо-

вания, антропология насилия. Предметы этих исследований разнообразны: организация уличных сообществ, их динамика и внутренняя структура [Jankowski 1991], уличная идентичность [Vigil 1988; Garot 2007], гомосоциальность и ритуалы мужской маскулинности [Driessen 1983], нормы уличного поведения [Anderson 1999; Jimerson, Oware 2006], насилие и способы им оперировать [Garot 2006], социализация подростков [Harding 2005]. В разрезе данного исследования особый интерес представляет монография М.С. Янковского [Jankowski 1991], который обращается к функциональным связям, определяющим сосуществование группировки и «ее» соседского сообщества, а также статья Д. Дж. Хардинга [Harding 2005], в которой рассматривается межгрупповое соперничество членов мужских соседских сообществ.

На грузинском материале существует всего одно исследование, затрагивающее феномен «бирж» — диссертация Яна Кёлера [Koehler 2000]. Он сосредоточивается на роли мужских уличных сообществ в общественно-политических процессах, происходивших в стране в 1990-е годы.

Я рассматриваю биржу через ее внешние, межквартальные связи (с биржами других убани) и через внутренние (со своим убани). В частности, я обращаюсь к вопросам межгруппового соперничества, а также пытаюсь определить, какое место занимают уличные группы в «своем» соседском сообществе и каковы связи, определяющие отношения между «биржей» и убани, в котором она функционирует.

Хронологические рамки данного исследования — вторая половина 70-х — конец 90-х годов XX в. Основным источником послужили материалы полуструктурированных интервью, проведенных мной в ходе полевой работы в Тбилиси в августе и сентябре 2007 г. Из 25 информантов пятеро женщины, остальные — мужчины, четырнадцать из которых — в возрасте 37-48 лет, шесть — 20-28 лет. Никто из опрошенных в момент интервью не был активным членом уличных групп, опыт участия в них в прошлом в той или иной степени имели все. Активными участниками уличных групп в прошлом себя назвали шестеро.

Соседская биржа и чужие убани. Свой убани члены биржи воспринимают как безопасную, «домашнюю», территорию, на которой они, рассчитывая на поддержку и солидарность сообщества, чувствуют себя более уверенно, чужой — как относительно враждебную.

Подростки и молодые люди из других убани не рассматриваются как враги априори, но существует готовый поведенческий сценарий, позволяющий направить агрессию против чужака, который оказался вне своей территории. Жертвой агрессии может стать только молодой человек, приблизительно равный биржевикам по возрасту. Для легитимации агрессии существуют разные тактики, которые собирательно обозначают выражением, обозначающим поиск повода для стычки, — «*pričinate q'op'na*» (букв. «быть на причине»). Распространенные тактики завязывания диалога с потенциальной жертвой: спросить «Из какого ты убани» или попросить сигарету и тем самым получить возможность слыть ответ недостаточно вежливым или вызывающим и начать конфликт. Поводом могут послужить манеры чужака, расцениваемые местными как агрессивные.

Другой сценарий — только продемонстрировать возможность агрессии, дав понять чужаку, что он находится на подконтрольной этой бирже территории.

Приведу пример из интервью: «Мне было где-то лет семнадцать, когда я закончил школу. <...> Мне приходилось ездить в другой убани, семнадцатилетнему парню. И однажды, я помню, я вышел из метро и иду туда. <...> И тут подошел тип. “Здравствуй, то, се”. Я говорю: “Здравствуй”. “Из какого ты убани, брат?”. Я ему говорю: “Я долидзец”. “Там у вас в убани вором кто сидит? Знаешь кого-нибудь?” Ну, я знал, один мой бывший одноклассник был такой, Глобус, и я сказал ему, мол, вот Глобус. “Короче сейчас ты, брат, придешь в убани, найди Глобуса и скажи, что нахаловец Джага велел передать приветы. Ну ладно, брат, теперь иди” <...> Короче, нужно ему перечислить парней, это вот состав биржи, причем авторитетный» (Тбилиси 2007. Интервью П.Б.).

Сходные тактики легитимации агрессии и контролирования описаны на примере других культур, в том числе, на афроамериканском [Garot 2007] и российском (казанском) [Shashkin, Salagaev 2004] материале. Они представляют собой один из видов ритуализованного взаимодействия, который характерен для уличной культуры в целом.

Если подросток не находится в состоянии конфликта с членом биржи другого убани, он может прийти туда по делу или пройти через его территорию, но оставаться в публичном пространстве убани долгое время без достаточных на то причин — уже нет, появление на чужой территории должно быть мотивировано. Приведу пример из интервью: «А жителей третьего и шестого квартала мы туда вообще не пускали. <...> Ну потому что наше это... (смеется). Что тебе тут надо? Если ты пришел в гости и все такое, да, только заранее скажи. А если нет, то тут, почему ты тут биржуешь, чего тебе надо? (Тбилиси 2007. Интервью. Д.Дж.).

Некоторые убани считаются противостоящими друг другу исторически, по традиции (как, например, Плеханова и Вере), что обеспечивает дополнительный потенциал для конфликтов, однако чаще всего исходной точкой междуубанского противостояния становится личный, бытовой конфликт. В конфликте изначально могут быть затронуты интересны только двух лиц, но отношения взаимных обязательств и солидарности между биржевиками автоматически превращают частный конфликт в конфликт между биржами. Острое состояние конфликта может быть продолжительным, и в течение этой фазы в него втягивается все больше и больше участников. В качестве примера приведу цитату из интервью: «Было противостояние в течение нескольких месяцев, старались сделать так, чтобы жители того убани в этот убани вообще не приходили, даже если <...> была свадьба какого-нибудь близкого человека. <...> Он может встретиться на этой свадьбе с жителями того убани, с которыми у него был конфликт. Возможно, у этого лично не было конфликта, но убани с убани начали враждовать, может быть, они уже не вмешиваются в дела друг друга, но в памяти у них осталась эта старая вражда, и они на всех жителей того убани плохо смотрят» (Там же).

Членство в убанской бирже предоставляет силовой ресурс, который биржевик может использовать в своих личных целях. Правило солидарности биржевиков позволяет рассчитывать на гарантированную поддержку. Помимо физической и психологической поддержки, которую молодой человек ожидает от своей биржи, он также опирается на ее статус: чем он выше, тем большие пре-

имущества извлекаются из членства в бирже.

В качестве самых распространенных информанты указывают конфликты из-за девушек, и в такие изначально личные конфликты может втягиваться много людей. Распространенный сценарий конфликта: на девушку претендуют двое из разных убани, в какой-то момент один просит «оставить ее в покое», другой воспринимает это как оскорбление и сообщает об этом своей убанской бирже, вызывая при этом к групповой солидарности. Назначается встреча, обе стороны приводят свои биржи и в драке определяют, за кем будет право ухаживать за девушкой. Конфликт может стать затяжным, если побежденный продолжает проявлять внимание к девушке. Информанты вспоминают о случаях, когда «из-за одной девушки целые убани дрались два года» (Тбилиси 2007. Интервью. И.).

Таким образом, групповая солидарность, определяющая взаимодействие внутри тбилисских соседских уличных групп, является ключевой для понимания отношений и между убанскими биржами. Ее принципы диктуют абсолютную необходимость поддержки членов своего сообщества, отклика на первый же призыв о помощи. В то же время действие принципов групповой солидарности превращает изначально частные конфликты в массовые, групповые, вновь пробуждая к жизни «историческую», межквартальную вражду.

Биржа в своем убани. Принципы внутригрупповой солидарности распространяются не только на членов биржи, более узкой соседской группы, но и на убанское сообщество в целом. Поэтому для ориентированных на свое локальное сообщество молодых людей исключительно актуален контроль за тем, что в нем происходит. На бирже концентрируется информация — как внутриубанского уровня, так и более широкая. Отслеживая изменения, происходящие как в соседском сообществе в целом, так и в частной жизни отдельных людей, убанская биржа осуществляет контроль над репутацией членов соседского сообщества. Репутация нового члена соседского сообщества в его старом убани легко выясняется ими, поэтому переезд не дает возможности начать жизнь «с чистого листа», репутация переезжает вместе с ее обладателем.

Биржевики проводят значительную часть времени в публичном пространстве убани, и многие события разворачиваются у них на глазах. Фиксируется, в том числе, неблагоприятное, с их точки зрения, поведение соседей, что дает членам биржи ресурс для манипулирования: «Конечно, тебя уважают в том случае, если у тебя не испорчен авторитет. Женщина не имеет права приезжать на разных машинах, уже ее авторитет становится сомнительным, женщина не имеет права занимать разных мужчин, это не уважают. И всячески пытаются притеснить, окликнуть, как-нибудь оскорбить» (Тбилиси 2007. Интервью. Дж.К.). Таким образом, понятно, что биржа не только контролирует репутацию своих соседей, но и в какой-то мере создает ее в соседском сообществе — публично выражая свою оценку и распространяя информацию в убани в том числе через членов своих семей.

Наоборот, те соседи, которые обладают в глазах биржи положительной репутацией, по праву соседской солидарности могут рассчитывать на помощь со стороны биржи. Женщины и девушки, оцениваемые биржей как «порядочные», могут рассчитывать на защиту со стороны биржи.

К бирже своего убани сосед может обратиться в случае конфликта, произошедшего у него с жителем другого убани: «Скажем, нашего какого-то третьемикрорайонца, мастера... отвел знакомый первомикрорайонец, он узнал, что в третьем микрорайоне есть какой-то классный паркетщик, отвел, договорились о деньгах, но, как говорят, он его “кинул”, <...> они пойдут туда и, если он не заплатит, хорошо отметелят» (Тбилиси 2007. Интервью. Д.Дж.).

Сам факт присутствия биржи как силы, лояльной к жителям этого соседского сообщества и агрессивной к чужакам, обеспечивает защиту территории соседского сообщества: «Для убанских это была охранная грамота» (Тбилиси 2007. Интервью. И. (на рус. яз.).

Кражи, как и любые нарушения чужаками общественного порядка в границах убани, воспринимаются биржевиками как личное оскорбление. Если в убани происходит кража и на бирже становится известно, из какого убани был вор, кто-то с биржи может совершить ответную кражу-месть в том убани, и главной целью такого действия будет реабилитация репутации своей биржи. (Как отмечает Я. Келер, особо тяжелым оскорблением чести была кража машины [Koehler 2000: 57]).

В тесном убанском сообществе соседям обычно хорошо известно о деятельности друг друга, и если в убани живет вор, этот факт тоже становится достоянием общности. Однако предполагается, что соседи не выдадут полиции, и тем более, не донесут на него, если он совершил что-то противозаконное на «чужой территории».

Обращение в полицию расценивается как «стукачество» не только в пределах норм уличного кодекса, такая точка зрения распространена и в более широком обществе. Полиция воспринимается как силовой институт, приводящий в исполнение волю коррумпированной и противопоставленной обществу государственной власти.

Несотрудничество с полицией — норма, но, по словам информантов, именно биржевики нарушают ее самым грубым образом. Молодые люди, потерпевшие неудачу в уличном сообществе, или те, кому угрожает большой срок заключения, могут вступить на путь прямого или тайного сотрудничества с полицией, становясь ее информаторами или официальными сотрудниками.

Совершение кражи в своем убани расценивается биржевиками как тягчайшее нарушение уличного кодекса. Таким образом, тюремная норма, провозглашающая «святость и неприкосновенность общака» [Ефимова 2004: 72], переносится на отношения в убани. Уличный кодекс запрещает кражу в своем убани, но разрешает (кажется, даже поощряет) грабеж. «Законной» жертвой грабежа становятся те, кого ребята с биржи относят к категории «маменькиных сынков». Они подвергаются периодическим денежным поборам, у них «одалживаются» или просто отнимаются вещи (мобильные телефоны, одежду и т.д.). Жалоба родителям в этом случае расценивается биржевиками как стукачество и оправдывает еще большую агрессию с их стороны.

Среди старших биржевиков выделяется лидер, которого называют убанским «смотрящим» (*maq'urebeli*) — человек, авторитетная позиция которого признается не только членами биржи, но и широким убанским сообществом. «Смотрящий» поддерживает связь с вором в законе, живущим в этом же убани или

контролирующим его. Большинство информантов говорили о том, что наличие в убани вора в законе является гарантией порядка и практически исключает случаи воровства. Если в убани вор не живет, то его функции замещает смотрящий. Опираясь на свой личный авторитет, заработанный на бирже, а также простирающийся из его близости к вору в законе, «смотрящий» регулирует отношения между биржами в убани, «разбирает дела» тех, кто к нему обращается. Круг таких вопросов широк — бытовые ссоры, невыплаты долгов, кражи и т.д. (за исключением семейных конфликтов).

Чтобы обратиться к вору за решением каких-либо вопросов, необходимо либо личное знакомство с ним, либо посредник, и таким посредником для членов соседского сообщества может выступать «смотрящий». Впрочем, и сам смотрящий может пользоваться настолько большим авторитетом в убани, что его суждение бывает достаточным для решения подавляющего большинства вопросов, и обращение к вору не требуется вовсе.

В 1990-е годы биржа стала рэкетом для мелкого бизнеса (магазинов, кафе и т.д.) на территории своего убани. Взимаемая дань могла быть разной по объему — от напитков и сигарет до довольно крупных денежных сумм. Взамен биржа в некоторой степени обеспечивала безопасность магазина. В конце 1990-х — начале 2000-х годов рэкет магазинов постепенно прекратился, обернувшись практикой постоянного одалживания и превратившись просто в обременительное соседство.

Таким образом, биржа прочно вписана в более широкое соседское сообщество, к которому она принадлежит, является его продолжением. Членство в бирже предполагает социальную ответственность перед «своим» соседским сообществом, которая осознается каждым участником уличной группы.

Об этом же пишет М.С. Янковски: в противоположность мнению сторонников теории социальной дезорганизации, рассматривающим отношения между уличными группами и сообществом как антагонистические или, в лучшем случае, безразличные, он приходит к выводу о том, что между ними возникает социальное сплочение, рабочие отношения, которые выгодны как одной, так и другой стороне [Jankowski 1991]. Это же мы видим и на примере тбилисских бирж: биржевики осуществляют в соседском сообществе социальный контроль, являясь своеобразной «полицией нравов» для его членов, выступают в роли «народной милиции», защищая жителей своего квартала от агрессивных действий извне, а взамен получают лояльность со стороны сообщества, уверенность в том, что соседи в случае необходимости окажут им поддержку, что об их, возможно, расходящихся с государственным законом действиях, не будет сообщено полиции.

Важность для внутренней организации тбилисских соседских сообществ вора в законе, фигуры, статус которой определяется внутри другой социальной системы — тюремного мира, добавляет еще одно измерение к изучению тбилисских бирж. Связь этой фигуры с биржами и через них с соседским сообществом в целом требует дальнейшего исследования.

Библиография

Брегадзе Л. Словарь грузинского жаргона, Тбилиси, 2005.

Ефимова Е. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М, 2004. С. 72.

Shashkin A., Salagaev A. Violence and victimisation on the street: Power struggle and masculine hierarchies in Russia // Finnish Youth Research Publication Series. Helsinki, 2004.

Anderson E. Code of the Street. Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City // Male Sociability and Rituals of Masculinity in Rural Andalusia, Anthropological Quarterly. 1983. Vol. 56, No. 3. P. 125–133.

Garot R. Inner-City Teens and Face-Work: Avoiding Violence and Maintaining Honor // A Cultural Approach to Interpersonal Communication. Wiley-Blackwell, 2006.

Garot R. Where you from! Gang Identity as Performance // Journal of Contemporary Ethnography. 2007. Vol. 36, No. 1.

Harding D.J. Neighbourhood Violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods. Population Studies Center Research Report 05-586, December, 2005.

Jankowski M.S. Islands in the Street: Gangs and American Urban Society. Berkeley, CA, 1991.

Jimerson J.B., Oware M.K. Telling the code of the street. An ethnomethodological ethnography // Journal of Contemporary Ethnography. 2006. Vol. 35, No. 1.

Koehler J. Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Munster, 2000.

Venkatesh S.A., Levitt S.D. “Are we family or business?” History and Disjuncture in the Urban American Street Gang // Theory and Society. 2000. Vol. 29, No. 4. P. 427–462/

Vigil J.D. Group processes and street identity: adolescent chicano gang members / Ethos. 1988. Vol. 16, No. 4. P. 421–445/

Whyte W.F. Street Corner Society. Chicago, 1943.

Ю.Ю. Карпов

КУТАНЫ В ДАГЕСТАНЕ: ОБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В период развитого Средневековья в Дагестане сложилась система хозяйственного районирования, при которой равнинные районы специализировались на земледелии, а горные и высокогорные районы — на животноводстве, преимущественно разведении мелкого рогатого скота (овец). Между жителями разных природных зон осуществлялся товарообмен. Однако природно-климатические условия горных местностей предопределяли потребность горцев к аренде зимних пастбищ на плоскости, где их скот выпасался с осени до поздней весны (равно как скот жителей равнины в летний период выпасался в горах). Подобная система хозяйственной деятельности оттачивалась веками и к XX в. была весьма отлаженной. Достаточно указать, что только из горных районов Южного Дагестана на зимний период семьями вместе со скотом «перекочевывало» в